

Научное наследие А.Е. Шапошникова, отражающее наиболее значимые аспекты отечественного библиотековедения, не утрачивая с годами своей актуальности, и сегодня оказывает существенное влияние на развитие отечественной библиотековедческой мысли и практическую деятельность российских библиотек. Интерес к его концепции сохраняется у нового поколения ученых. Недавно в Российской государственной библиотеке для слепых вышел биобиблиографический указатель, глубоко и разносторонне отражающий наследие замечательного российского библиотековеда, настоящего интеллигента, наставника нескольких поколений отечественных библиотекарей.

Список источников

1. Библиотека и соционмия : программа курса / сост. : А.Е. Шапошников. — М. : МГУК, 1998. — 27 с.
2. Шапошников А.Е. Библиотечное обслуживание инвалидов : дис. ... д-ра пед. наук / А.Е. Шапошников. — М., 1992. — 376 с.
3. Он же. Библиотечное обслуживание инвалидов: история, современность, тенденции / А.Е. Шапошников. — М. : МП «Оптимист», 1992. — 211 с.
4. Он же. Библиотечное обслуживание инвалидов : учеб. пособие / А.Е. Шапошников. — М. : МГИК, 1992. — 180 с.
5. Он же. Воспоминания библиотековеда / Александр Евгеньевич Шапошников (1932—2010) — основоположник отечественного тифлобиблиотековедения: к 80-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / сост. К.А. Шапошников. — М. : РГБС, 2012. — 240 с.
6. Он же. Воспоминания. Избранные статьи последних лет. Материалы к биобиблиографии / сост. К.А. Шапошников. — М. : РГБС, 2010. — 220 с.
7. Он же. Передвижная библиотека для слепых / А.Е. Шапошников. — М. : Легкая индустрия, 1967. — 39 с.

УДК 769.91(092)Вольф В.Е.

ББК 85.156.65-8Вольф В.Е.

Опережая время

В конце 2012 г. в Российской государственной библиотеке прошла юбилейная выставка **Виталия Евгеньевича Вольфа** «Время в плакатах и картинах», приуроченная к 80-летию одного из самых востребованных отечественных плакатистов. Уже первые его работы были высоко оценены критиками. Говорили, что он опередил свое время. «В произведениях этого художника поставлены под сомнение все давно сложившиеся плакатные шаблоны», — писали в журнале «Декоративное искусство СССР». В.Е. Вольф получил признание и за рубежом, его произведения экспонируются на международных выставках, участвуют в аукционах. Классикой жанра стали плакаты к фильмам «Андрей Рублев», «Дама с собачкой», «Завтра была война», «Возвращение «Броненосца»» и др. Предлагаем вниманию читателей размышления юбиляра о своей жизни и творчестве.

— *Все начинается с семьи. Виталий Евгеньевич, расскажите, пожалуйста, о родителях.*

— Отец, один из руководителей Партиздата, имел неосторожность выпустить в свет брошюру в защиту теории перманентной революции. В итоге его перевели в Ленинград и поручили заняться созданием филиала музея Ленина. Он стал первым директором этого филиала. Уже в годы перестройки я познакомился в архиве с его делом. Среди бумаг имелась и докладная одной дамы, возглавлявшей комиссию из Москвы. Она жа-

ловалась, что Фокин (фамилия отца) отказался кормить делегацию бесплатным обедом и вообще «разговаривал небрежно». А настоящей причиной последовавшего потом ареста стал, по всей видимости, следующий разговор. «Почему роль товарища Сталина в октябрьских событиях семнадцатого года не отражена в экспозиции вводного зала?» — спросили проверяющие. — «У нас принцип такой: основываемся только на документах, — отвечал он как настоящий музейный человек. — Если они у вас есть, мы их сразу же выставим». Ну и та брошюра, конечно, сыграла свою роль. Папу арестовали в 1938 году. Похоже, сразу же расстреляли. Хотя в начале 1990-х гг. мы получили справку о том, что он умер лишь в 1944 г. в Северном Казахстане.

А еще в 1937 г. забрали и маму, просидевшую в сталинских лагерях девять лет. Еще какое-то время она могла жить только за 101-м километром, а в 1959 г. ей, наконец, разрешили вернуться в Москву. Журналистка по профессии, она всю свою долгую жизнь была беззаветно предана советской власти.

Мы жили на Мясницкой. Высоченный дом, каменный мешок, во дворе — ни травинки, сплошной асфальт. Наверное, тогда я и привык к замкнутым пространствам. И отсюда — стремление к графичности, акценту на деталях. В коммунальной квартире все размещалось очень плотно.

В большой 20-метровой комнате, где жили родители, поселился энкавэдэшник с семьей (ту, что поменьше, занимали мы с бабушкой). У него была дочь, мне ровесница, и он хотел, чтобы мы подружились. Несколько раз я бывал у них. Так странно было видеть пустые стеллажи, где при родителях хранилось столько книг и журналов. Помню, как при обыске их рвали и швыряли на пол. Но кое-что в этой комнате осталось. Например, старинные немецкие книги в кожаных переплетах, принадлежавшие деду. Новые соседи часто заводили патефон. Любили Лидию Русланову, Петра Лещенко. И я, еще ребенок, эти песни с удовольствием слушал.

— *Кстати, ваши работы очень музыкальны. В них чувствуются свой ритм, мелодика. Сами играете на чем-нибудь?*

— Нет, сам не играю. А вот бабушка была профессиональной пианисткой. В старости, когда

В.Е. Вольф

уже сдавало зрение, она постоянно слушала по радио классику. И меня приобщала. Спрашивала: «Как думаешь, кто это играет?» И я со временем практически перестал ошибаться. В консерваторию ходил как на работу. Был на всех концертах Вертинского.

— *Что осталось в памяти о войне?*

— Много всего. В самом начале войны говорили, что она совсем скоро закончится, месяца через два. Но все равно немец

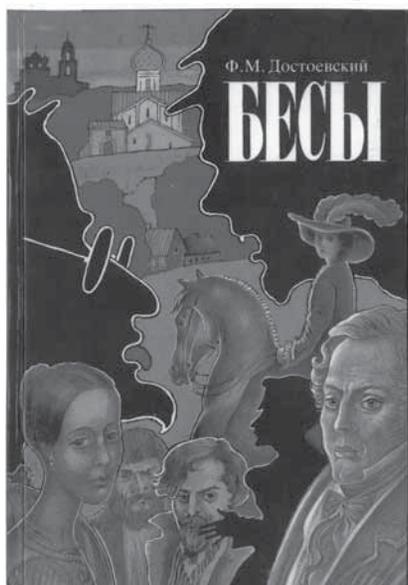
близко, наверно, будет бомбить столицу, так что детей надо вывезти. Наш класс, человек 30, отправили под Можайск. Там сопровождающие и половина ребят разбежались кто куда. Я попал в Яхрому, нынешний Дмитров, совсем близко от фронта. И наши солдаты помогли нам добраться до Москвы. Я вернулся домой: ключ лежал, как и полагается, под ковриком. Мать сидела в лагере, бабушку родственники забрали в деревню, соседи исчезли. Вместо них жили какие-то деревенские девочки, работавшие в госпитале. Они меня регулярно подкармливали. Потом меня забрали в детдом.

— *Когда обнаружили в себе тягу к рисованию?*

— Что-то рисовать я начал уже в детдоме. А потом, когда подрос и встал вопрос о том, чтобы самому зарабатывать на жизнь, решил поступить в художественную школу. Кто-то сказал, что там выдают рабочие, а не иждивенческие карточки. И это послужило огромным стимулом. Учась в школе, я познакомился с семьей Владимира Дмитриева, главного художника МХАТа. То были хорошие, скромные люди, отлично делавшие свое дело и избегавшие всяких разговоров о политике.

Атмосфера их дома буквально очаровала. Особенно после той мясорубки, в какую попали мои близкие (мою тетю расстреляли прямо в здании Лубянки). Мне случалось общаться и с писателем Катаевым. Большой, барственный, птица высокого полета. Дружил с Олешей, Ильфом. Иумел дружить с властью, был ею обласкан. Помню свой первый визит к нему домой. Дверь открыла молодая красавица-жена, европейского вида, в расшитом халате. Валентин Петрович спросил ее из глубины квартиры, кто пришел. И она ответила ему по-английски. Это меня потрясло.

А еще у него работала литературным редактором Елена Эрастовна, жена брата Александра

Блока. Именно она привила мне вкус к поэзии. Однажды в букинистическом магазине мне попалось на глаза прижизненное издание трехтомника Блока. Как открыл первый том, так и утонул в нем — мое! Конечно же, купил раритет. Елена Эрастовна, когда я рассказал о своем преклонении перед поэтом, заметила: «Он не один такой, еще есть и Гумилев, Ахматова, Надежда Павлович. Та, которая писала о Флоренции: “Этот город, похожий на каменный сад”». Много лет спустя я попал во Флоренцию и все время повторял про себя эти строки.

— *Наверное, любите и художников Серебряного века?*

— Больше всех — Врубеля. Из-за этого еще в художественной школе меня называли декадентом. Навсегда запомнилось, как в 1943 г. мамин брат, только прибывший с фронта, сказал мне: «Пойдем в Третьяковку!»

И мы пошли. Галерея была пустынной, почти все картины эвакуировали, а вот Врубеля оставили — мол, плохой художник...

Я впервые увидел тогда огромное панно «Полет Фауста и Мефистофеля» и был ошеломлен. Какое-то космическое измерение! Такой контраст с идеологически «правильным» искусством соцреализма, на котором мы росли.

— *Виталий Евгеньевич, целых тридцать лет вы проработали в мастерской «Промграфика». Что стало причиной такого постоянства?*

— Там я чувствовал себя свободным от политики, от газеты «Правда». Занимался нейтральными вещами — фирменными знаками, эмблемами, оформлением книг, в первую очередь, научного содержания. В шестидесятые мы были пионерами дизайна в этой области. Но тогда же я начал делать первые плакаты.

Мне посчастливилось много работать с провинциальными театрами, где встречались яркие исполнители и режиссеры. Правда, порой приходилось творить в крайне сжатые сроки, буквально на коленах в гостиничных номерах. Яркая страница моей жизни — сотрудничество с Госконцертом СССР, организатором всех зарубежных гастролей.

— *Насколько я знаю, вы были лично знакомы с Марселем Марсо, неоднократно выступавшим в СССР.*

— Ну знакомство получилось мимолетным. Еще до его приезда мне предложили в связи с приближающимися гастролями сделать плакат. Слышал, конечно, о французском миме, но визуальных источников — никаких. Как создать лаконичный, с запоминающимися деталями, образ? К счастью, удалось тогда достать несколько его автошаржей. В своей работе я стремился передать утонченность, непостижимость натуры этого великого артиста.

Потом видел его на сцене. Видел, до какой степени он выкладывается. После одного из выступлений решил прийти к нему за кулисы. Выразил свое восхищение. Марсель Марсо спросил по-французски, как меня зовут. Поблагодарил. Был очень немногословен. Передо мной стоял безумно уставший человек...

Совсем недавно знакомые сообщили, что по каналу «Культура» видели дом Марселя Марсо, и в кадр попал мой плакат, который висит на стене. Признаюсь, было приятно это услышать.

— *Что, по-вашему, главное в плакате?*

— Главное, как сейчас выражаются, «зацепить» зрителя. Мета-

форичность изображения. Связь с текстом. На плакате к спектаклю «Три сестры» я нарисовал птиц в полете. Это прямой отсыл к словам младшей из сестер, Ирины, которая произносит в начале пьесы «Скажите, отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мною широкое голубое небо, и носятся большие белые птицы».

— В 2011 г. Союз писателей России наградил вас Памятной медалью им. А.П. Чехова.

— Да, у меня есть целая серия плакатов к экранизациям и театральным постановкам чеховских произведений. Среди них — «Вишневый сад», «Дама с собачкой», «Черный монах». Этим летом собираемся женой в Ялту, нас приглашает музей Чехова.

Повезем туда несколько моих работ. Неисчерпаемой глубины писатель, очень русский и в то же время универсальный, понятный во всем мире.

— Достоевский тоже присутствует в вашем творчестве. Это и «Скверный анекдот», и «Братья Карамазовы».

— А еще в 1993 г. мне поручили работу над первым иллюстрированным изданием «Бесов». Тогда этот роман был впервые включен в школьную программу. Поэтому следовало ориентироваться на восприятие подростков, не особенно мудрить, но и не отклоняться от авторского замысла. Такая непростая задача. Кроме того, участникам проекта были заданы немислимо сжатые сроки. Трудились день и ночь. В советское время подобные вещи делались годами. Но все же справились.

— На выставке в РГБ представлена ваша живопись. Много пейзажей среднерусской полосы и Русского Севера. Деревеньки, названий которых многие и не слышали: Подсобка, Акулово, Лопасня...

— В 1950-х гг. с друзьями проводили в деревне летние месяцы. Писали этюды. Люди там жили открытые, незлобивые. Денег за постой с нас, молодых художников, не брали. То, что представлено на выставке, как правило, написано мною на основе зарисовок, сделанных много лет назад. Когда фотографируешь, ровным счетом ничего не остается. А если набросал в блокноте хотя бы

беглый рисунок авторучкой — совсем другое дело. Ты погружаешься в прошлое, и высвечиваются все детали, давно позабытые.

— В ваших картинах часто встречаются цветы, особенно ирисы. Наверное, часто дарите их супруге? Те, кто видят вас вместе, сразу понимают — дружная пара.

— Это так. Мы с Татьяной Ивановной в этой жизни идем рука об руку. Моя жена практически освободила меня от решения всех бытовых вопросов. В ней много любви и такта. Был не такой уж короткий период, когда я, что называется, искал себя в искусстве. Совсем мало зарабатывал, но никакого недовольства она не выказывала. Я не мог этого не оценить.

— Я видела, как вы вместе оформляли экспозицию «Время в плакатах и картинах» в Розовом зале РГБ.

— Да, Татьяна Ивановна всегда мне помогает в подготовке выставок. Она ведь по профессии искусствовед, много лет работала в Министерстве культуры СССР, занималась музейной деятельностью.

— Виталий Евгеньевич, последний вопрос. Ваше отношение к Российской государственной библиотеке?

— Самое уважительное и благодарное. Когда я был студентом художественного института им. Сурикова, часто приходил с однокурсниками в Ленинку. Практически только здесь, в отделе редкой книги, мы имели возможность ознакомиться и с изданиями по современному мировому искусству, и со старинными раритетами. Могли увидеть богатейшие переплеты, шрифты, иллюстрации. В этом смысле библиотека была даже важнее, чем вуз. Она многому научила.

Интервью провела
Л.М. Ровнянская,

редактор отдела редакции сайтов
Российской государственной библиотеки

Иллюстрации предоставлены В.Е. Вольфом
Фото М.П. Колосовой